

РЕДАКТОР

Зигмунд ХИРЕН

Под утро стояли мы с писателем Евгением Петровичем Петровым на высокой насыпи, а внизу в тучах пыли и дыма по истерзанному, разбитому шоссе, изъеденному, как осинами, воронками из бомб, мчались и мчались полуторки и трехтонки, «газики» и «эмки», а то просто подводы. А случится пробка, начинали хлопать дверцы кабин и из них высакивали шоферы с заросшими щетиной лицами, обезумевшими, красными глазами. Затем на перекрестке показался генерал, тяжелая деревянная кобура от маузера болтала по животу, генерал то и дело передвигал ее в сторону. Он почти не стоял на месте, но вот к нему подошел старший офицер и, взял под козырек, стал рапортовать. Генерал яростно накинулся на офицера.

— О чём они там? — полюбопытствовал мой спутник. На Петрова была новенькая, с иголочки, летняя форма цвета хаки, в петлицах — три шаплы, немного узковатые брюки были заправлены в такие же зауженные голенища. Более всего Петрова беспокоила пилотка, тыльной стороной правой ладони проверял, правильно ли она сидит на голове, не свинулась ли, не сплющилась ли блином.

— Интересно все же, о чём они там? — повторил Петров.

— Ничего не стоит узнать, — ответил я, — давайте спустимся к ним.

Падая, поднимаясь, скатились на шоссе. Генералом с маузером оказался командарм, будущий маршал Иван Степанович Конев, я представил ему своего спутника.

— Полюбуйтесь, — начал без всяких предисловий Конев, — живой Остап Бендер на войне! — И он кивнул на офицера, которого только что распекал.

Это был не первый случай, когда Петров слышал имена героев своих и Ильи Ильфа романа. Ведь на фронте сражались миллионы читателей «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца».

Вечером сидели мы с Петровым в душном, тесном помещении и смотрели кино «Антон Иванович сердится».

— Чистейшая фантастика, — твердил он, — такая война, а тут кино.

Меж тем на экране, сшитом из нескольких блязовых простираньи, показалась улица Герцена, консерватория, мирная, спокойная московская жизнь. Что-то вдруг загромыхало, звучало.

— Надо же, — ухмыльнулся Петров, — тут ведь пианиссимо, а они на всю железку фортифиссимо.

Но в этот момент экран вовсе погас.

Выходя на улицу, мы поняли, откуда «фортифиссимо». Над нами в строгом строю пролетало несколько сотен «юнкерсов», «хейнкелей»... Самолеты шли почти на бреющем, и временами можно было свободно разглядеть в освещенной кабине силуэт пилота.

Фашисты шли на ночную бомбенку Москвы.

— Почему же их пропустили? — с негодованием спросил Петров.

— Не положено с территории крупного штаба открывать огонь. Ничего, чуть подальше их встретят и наши зенитки и наши истребители.

Петров, узнав, что до ближайшей зоны ПВО не так уж далеко, настойчив, чтоб мы туда отправились. Все небо прострочено трассирующими снарядами, а между ними и лучами прожекторов мечутся те самые фашистские бомбардировщики, которые только что проходили над нашим «кино» парадным строем. Вот сбили один «юнкерс», вот — второй. Наши летчики на земле аплодируют. К ним присоединяется и мы с Петровым.

Однако тут я должен вернуться к недосмотренному «Антону Ивановичу...».

Не сказал я, что картина была снята по сценарию Евгения Петровича Петрова. Разумеется, он о том не уведомил меня.

О герояне одного из своих очерков Петров как-то сказал: «Трудно сохранить духовное равновесие, когда человек проходит испытание славой. Но еще трудней не показать людям собственного действительного или воображаемого превосходства. Это — проявление высшего таланта». Слова эти можно целиком отнести к Петрову.

* * *

За письменным столом главного редактора «Огонька» Евгений Петрович сидел считанные часы. Обстоятельства сложились так, что глубоко штатский «Огонек» с приходом Петрова стал вскоре журналом почти военным. Вот как все произошло. В первый раз Петров подписал в печать номер «Огонька» в декабре 1940 года. Новогодний номер отрывался титульным листом со стихотворением Ярослава Смелякова под названием «В преддверье сорок первого».

На первой же редакционной летучке новый

Евгений Петрович Петров.

Рис. С. Городецкого. Февраль 1938 г.

Публикуется впервые.

редактор попросил, чтоб на снимках для журнала люди не позировали, а только действовали. Не надо, сказал он, портретов с остановившимися, напряженным взглядом, не надо мертвенных пейзажей, неспособных породить отклики в душе читателя. Петров не скрывал, что мечтает «Огонек» превратить в блистательный журнал. Он не сомневался, что раздобудет многокрасочные печатные машины, первоклассные технические средства, превосходную бумагу. Он на своем веку успел познакомиться с прессой многих стран и уверял, что советские журналисты имеют все данные для того, чтобы сделать «Огонек» самым увлекательным журналом в мире.

«Ноги! Где у вас ноги, товарищи?» — твердил он фоторепортерам. А для очернистов были у него всегда «три звездных слова»: «Писатель должен писать!»

В марте 1941 года Петров поехал в Германию, направился в Лейпциг, славившийся когда-то полиграфией, надеясь там найти новую технику для «Огонька». Петров заблуждался. Гитлеровская индустрия была целиком занята пушками, танками, бомбардировщиками, истребителями, снарядами, минами. Все для готовящейся войны с Советским Союзом. Вскоре началась Великая Отечественная война. И вот Евгений Петрович у нас на Западном фронте.

Теперь кабинет заменили ему солдатские блинданки, фронтовые дороги, узлы связи, крейсер «Ташкент», на котором он прорвался в осажденный Севастополь. Петров старался ничем не выделяться. Фронтовой корреспондент как фронтовой корреспондент. Но была у него еще одна забота — выход в свет очередного номера редактируемого им журнала «Огонек». Писал немало сам, вярг в это и нас, фронтовых корреспондентов столичных газет. Узнав, что мне удалось присутствовать при поимке гитлеровского парашютиста-шпиона и с ним беседовать, Петров стал просить написать об этом. Редактор «Красной звезды» решительно запретил нам, корреспондентам газет, выступать в других изданиях. Но Петров был настойчив, и я написал. Теперь страшнее была не карта собственного редактора, а оценка Петрова, перед чьим литературным талантом я всегда преклонялся. Он прочитал, сказал, что публиковать можно, за исключением заголовка.

— Вы называли «Тигр в клетке». Где же, по-вашему, еще ему быть? Вполне подходящая жилплощадь для такого зверюги. Но кого сейчас, скажите, интересует эта клетка? Шпион вам там сказал, что при встрече со своим резидентом ему надо произнести: «Тигр из Кенигсберга». Вот, по-моему, настоящий заголовок. Ну как, согласны?

Еще бы! Достав из нагрудного кармана гимнастерки свою ручку, Петров зачеркнул мою «клетку» и написал: «из Кенигсберга».

Когда началась Великая битва за Москву, Петров входил во все освобожденные города вместе с нашими передовыми частями. Никогда не забыть мне раннего утра в Волоколамске. Возле небольшой избы — виселица. Фашисты казнили восемьдесят советских людей. Ворвавшись в город на рассвете, танкисты сняли повешенных. Петров поклоняется и снятых с виселицы патриотам и целует каждого в лоб.

Потом в одной машине мы возвращались в редакцию. Петров с печалью глядел в смотровое стекло. Лишь один раз нарушил молчание, когда настороже показался открытый грузовик с музыкантами. Снег падал на медные трубы.

— Медные трубы, — тихо произнес Петров, — хорошая военная примета, хороший абац!

Замечательный писатель, фронтовой корреспондент, главный редактор журнала «Огонек» Евгений Петрович Петров погиб при авиационной катастрофе 2 июля 1942 года, возвращаясь с фронта, с редакционного задания.

ОГРОМЕК 1983 № 51

Татьяна КАЛУГИНА

«...Мыслить о лучшем будущем... не отвлеченност, но повелительный зов к улучшению жизни». Это строка из письма выдающегося деятеля культуры XX века Николая Константиновича Периха, присланного в Ригу с Гималаев в декабре 1935 года. Периховских писем всего около четырехсот, и хранятся они в семье Рихарда Яковлевича Рудзитиса (1898—1960 гг.) — поэта, писателя, деятеля культуры.

Небольшая квартира на окраине Риги, где сегодня живут жена и дочь Рудзитиса. Здесь, в семье Рудзитиса, хранятся письма Периха, документы, книги, рассказывающие о художнике-манисте.

Перед мной рукопись пьесы Н. К. Периха «Милосердие», написанная им осенью 1917 года. Автор назвал ее «наивным народным действием», и центральная проблема ее — спасение знания, на которое обрушились темные силы.

Впервые пьеса напечатана в альманахе «Современная драматургия» в этом году. Рассказывая на страницах журнала об истории ее создания, Святослав Николаевич Перих сказал: «Мой отец написал несколько пьес, но все они, за исключением пьесы «Милосердие», пропали... Пьеса «Милосердие» попала в собрание латвийского поэта Рихарда Рудзитиса».

И вот я в гостях у дочери поэта, искусствоведа Гунты Рихардовны Рудзите. Прошу Гунту Рихардовну рассказать, как попала эта рукопись в архив ее семьи. И так, слово за слово, узнаю о глубоких связях семьи Перихов с Прибалтикой, о латвийском обществе музея Периха, существовавшем в Риге в 30-е годы.

Что же это за общество и как оно возникло?

В 1920 году в Лондоне Рерихи познакомились с рижанином Владимиром Анатольевичем Шибаевым, и вскоре он стал их личным секретарем. В 1924 году Шибаев на время покидает Рерихов, которые готовятся к большой экспедиции в Центральную Азию, и приезжает из Индии в Ригу. С собой он привозит литературные труды Н. К. Рериха, которые затем издаются здесь отдельной книгой. Он с увлечением рассказывает своему другу, врачу Феликсу Лукину, о художнике Рерихе, о замечательной культурной деятельности всей их необыкновенной семьи. Официально общество было оформлено в 1930 году, а переписка с Рерихами началась раньше. Устав гласил: «Общество музея Рериха в Латвии основано с целью ознакомления населения Латвии с работами Рериха и развития духовной культуры, чтобы в сотрудничестве с подобными организациями и учреждениями укреплять дружбу народов и взаимное их сотрудничество в области искусства и других проявлений культуры». После Ф. Д. Лукина руководителем общества стал Р. Я. Рудзитис.

— Но вот какая интересная деталь, — рассказывает Гунта Рихардовна. — Пьеса «Милосердие» оказалась единственным документом, сохранившимся в рукописном варианте. Мой отец предполагал, что пьесу эту сам Рерих считал незаконченной, потому и не перепечатал. В Ригу же он отправил ее с другими работами для сохранности. Во всяком случае, подлинно известно, что именно через рижских друзей Рерихи собирались вернуться в тридцатые годы на родину.

— Как познакомился ваш отец с семьей Рерихов? — спрашиваю я.

— Иногда мне кажется, что отец и не мог не встретиться с ними, так много у них было общего, — говорит Гунта Рихардовна. — Помните напутствие Льва Толстого молодому Рериху, когда художник подарил ему фотографию со своей картины «Гонец»? «Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплынет», — сказал Толстой. Вот и у моего отца на столе всегда стоял камертон, по которому он любил ударять, как бы напоминая: настраивайтесь на главное! Основным лейтмотивом его жизни была тяга к красоте, огромная жажда сделать совершенное окружающий мир. Он переписывался с такими выдающимися личностями, как Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор.

«Подросток». Один из самых загадочных романов Федора Михайловича Достоевского, что стоит как-то особняком. Чуть-чуть в стороне. А тайны свои раскрывает неохотно, да и то, пожалуй, не каждому. О чём роман? Достоевский говорил: чтобы ответить на этот вопрос, надо пересказать в се содержание «Подростка», от первой до последней строки. В разгар работы основные сюжетные линии то и дело осложнялись разными «событийными» вставками, которые черпались из газетной хроники тех лет, особенно из раздела «Происшествия»; Достоевский нет-нет да соблазнялся сюжетными перипетиями традиционных в то время в России русских и западных мелодрам, бульварных романов. А как это все экранизировать?

Сразу скажу: Евгений Ташков ставит весь роман, купор — ощущимых купор — здесь практически нет. Он листает страницы романа бережно и с любовью. Он слушает Достоевского.

Ташков подчеркивает: он ставит фильм о девятнадцатом веке. Да, в девятнадцатом веке угадывается, конечно, век двадцатый, и Версилов, центральная фигура романа, является во многом его человеческим прототипом. Но Ташков на этом не настаивает. Его режиссура проникнута редким в наши дни чувством историзма. Дело не только во внешней достоверности костюмов, быта и прочего антуража эпохи девятнадцатого века. Здесь достоверны не только костюмы. Здесь прежде всего достоверны люди. Здесь найден и передан сам дух эпохи. Роман Достоевского предстает в той психологической атмосфере, в которой он и создавался — почти сто десять лет назад. И вот этой самой разницы — сто десять лет назад — не чувствуется. Как же это достигнуто? В чем секрет?

А секрет, мне думается, разгадывается просто.

Ташков во всем, абсолютно во всем верен Достоевскому. Он идет за ним шаг за шагом. След в след. Он как бы сам растворяется в Достоевском и николько не пугается, что его личное «авторское» присутствие не бросается в глаза.

Чем труден роман? Впрочем, так нельзя сказать. Вопрос «чем» необходимо заменить вопросом «кем»?

Роман «Подросток» труден для восприятия и, соответственно, для передачи на кинозране — людьми. Каждый из них живет не одной жизнью. Внешняя жизнь обманчива. Стоит приглядеться — и чувствуешь: за «фасадом», за внешней стороной их повседневных дел кроется что-то еще, какая-то другая жизнь, которая гораздо интереснее, богаче, сложнее по духу. Люди Достоевского состоят из парадоксов. Их образы нельзя перевести на ясный и простой язык идей и пересказать эти идеи в двух словах. Любой пересказ выглядит однозначно. Перед нами жизнь во всем ее объеме. Но как, каким образом выразить этот объем в актерской игре? Вот Версилов. К его харак-

ГЕРОЙ ФИЛЬМА ДОСТОЕВСКИЙ

теру применим, пожалуй, любой эпитет: он и добрый и беспощадно злой, в чем-то честный, в чем-то, наоборот, отвратительно нечестный, да что перечислять! Его характер примет в «свой адрес» что угодно, ибо в нем, в Версилове, уживаются все противоречия века. Подумать только! Он высказывает мысли, которые напоминают идеи Чаадаева и Герцена! А в любительских спектаклях Версилов играл Чацкого! «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире», — скажет Версилов в одной из исповедей сыну Аркадию, — тип всемирного боления за всех...» Обычно эти слова пробрасываются. Не принимаются всерьез. Напрасно, подчеркивает режиссер. Версилов многолик и, поверьте, не притворно многолик, он действительно разный. Но как же все это сыграть?

Режиссер подсказывает Олегу Борисову, выбранному им на роль Версилова: в каждом появлении, в каждом разговоре Версилова должна существовать какая-то недоговоренность. Версилов — как магнит, он постоянно притягивает к себе внимание, но

никто, никто не может его разгадать. Собственно говоря, разгадать отца — вот цель, которая стоит перед Аркадием, владеет его воображением неотступно. Он все более и более перестает понимать жизнь, людей. Он — чистая душа! — хотел разрешить все их загадки, понять что «бело», что «черно»...

В финальной серии режиссер доказывает, что Аркадий действительно сын Версилова, что они в чем-то неуловимом разительно похожи. Да, Версилов — Борисов по-человечески необычайно сложен с первых же минут фильма, в нем постоянно живет какая-то тайна, и каждый из нас, зрителей, волен разгадывать это таинство по-своему. Аркадий дорастает до духовного уровня своего отца, и это происходит на наших глазах.

Перед Андреем Ташковым, который играет Аркадия, стояла задача сложная: сохраняя нейтральность и подчеркнутую объективированность общего тона, не навязывая никак «своего Достоевского», показать, как растет, как меняется Аркадий, как шаг за шагом он идет по жизни и как, каким образом эти шаги откликают-

ся в его душе. В целом эта задача выполнена.

Шесть серий — путь, конечно, не близкий. Пройден он трудно, но достойно. Может быть, слишком долго. Ташков боится «оторвать» Аркадия от присущей ему (видимо, с детства) инфернальности, может быть, слишком часто, я бы даже сказал, однозначно простодушие юности перекликается в его Аркадии с нервной неустойчивостью, выраженной в привычных — для такого случая — приемах. Но сделано главное. Создан человек. В нем появляется что-то непостижимое, то есть что-то такое, что и делает человека человеком, личностью. Его трудно не любить, ибо он обаятелен и безыскусно правдив. Во всем. Ташков играет с максимальной самоотдачей, вкладывая в роль всего себя, без остатка. В фильме бывали эпизоды, которые актер проводил с такой искренностью и с такой человеческой глубиной, — и я вдруг ловил себя на мысли, что убежденно верю: да, это действительно Аркадий Дслгорский, действительно герой Достоевского.

Это же я могу сказать и о большинстве других актеров, занятых в «Подростке». Фильм отличается единой художественной целеустремленностью. Здесь все подчинено единому эстетическому закону; фильм не распадается, как это часто бывает, на отдельные актерские работы: режиссеру удалось, на мой взгляд, создать интересный артистический ансамбль.

Евгений Герасимов тонко проследил внутреннюю логику поведения князя Сережи. Актер строго последователен. Нет, его князь не подлец и не нравственный юрод, как это могло показаться на первый взгляд. Да, он запутался. Да, он грешен. Но ведь такой и我是, в котором он живет, и не ему этот мир исправлять...

Особенно радостно за Наталью Гундареву. Читая роман, мне почему-то казалось, что Татьяна Павловна — персонаж самый, пожалуй, простой, безобидный, что ли... Наблюдая Гундареву — Татьяну Павловну, все мы, я думаю, лишний раз убедились, что у Достоевского нет простых и однозначных людей. Гундарева играет с глубокой внутренней болью, заставив истинные чувства, чуть не плача. Актриса предлагает непривычный для себя острохарактерный рисунок. Она очень долго как бы не подпускает нас к Татьяне Павловне. Она хитрит. А потом вдруг как-то очень незаметно, будто бы невзначай раскрывает душу, дает понять, что Татьяна Павловна действительно влюблена в Версилова, влюблена давно, безнадежно, а жить без этой любви она уже просто не в силах, ибо любовь есть любовь, и как совладать с ней — бог весть!

Фильм «Подросток» реалистичен по сути. Он населен людьми, это хочется подчеркнуть еще и еще раз. А главным его героем все-таки остается сам Федор Михайлович Достоевский: его образ незримо присутствует где-то «за кадром», — и это, я думаю, и есть главная заслуга «Подростка», снятого на студии «Мосфильм» по заказу Гостелерадио СССР.

К. АНДРЕЕВ

На снимке: А. Ташков в роли Аркадия.

Рассматриваю книги в белых и синих переплетах с тонким шрифтом, с изящными, живописными буквами в заголовках.

— Эти титульные листы — работа самого Николая Константиновича, — говорит Гунта Рихардовна. — А вот простой льняной холст для обложки большого альбома — монографии Н. Рериха, выпущенного в 1939 году, подсказал уже Святослав Николаевич Рерих.

Некоторые из книг были переведены на латышский язык Рудзитисом. Он стал также автором многих статей о Рерихе, в частности, пропагандистом его мыслей о роли школы, о воспитании через красоту, о будущей миссии женщины.

Гунта Рихардовна Рудзите показывает мне небольшой белый флагок с рубиновым кольцом, в центре которого — три соприкасающихся края.

— Это флаг Общества музея Периха, он стоял на столе во время собраний,— говорит она.— А большое знамя мира находится в Музее истории Риги и мореходства.

— Знамя мира? — переспрашиваю я.
— Да, знамя мира. Сам Николай Константи-

нако в 1939 году успевает выйти только первый номер толстого журнала — его конфисковали. Очевидно, «криминалом» посчитали статью Н. Рериха «Друзьям-художникам», повествующую об успехе советского искусства на выставке за границей, о советской архитектуре, о сельскохозяйственной выставке в Москве. Но энтузиасты не сдавались. В скором времени вышел второй номер журнала под названием «Литературные записки», который конфисковать уже не успевают: летом 1940 года в Латвии восстанавливается Советская власть. Главный печатный орган — газета «Последние известия» («Яунакас Зинякс») печатает на первой странице статью Н. Рериха как привет новой жизни.

Интересно, что в борьбе за восстановление Советской власти в Латвии активно участвовали члены Общества музея Рериха. Секретарь общества врач Гаральд Лукин, сын основателя общества Ф. Д. Лукина, стал главным редактором ведущей газеты «Последние известия», Иван Блюменталь — главным редактором «Русской газеты», выходившей на русском языке. Во время выборов нового народного Сей-
жизни.

НОВОЕ О Н. К. РЕРИХЕ

НОВОЕ О Н. К. РЕРИХЕ

«Во имя светлого труда»

нович подчеркивал, что слово «мир» в русской речи означает и мирность и Вселенную. Знамя мира как бы охраняет духовные сокровища всего человечества, охраняет путь к миру, к будущему единству всех достижений науки, искусства и философии, составляющих человеческую культуру. Три соприкасающихся круга на флагже символизируют прошлое, настоящее и будущее, объединенные единым кругом вечности. Защита мира, борьба за утверждение Пакта охраны культурных ценностей были самыми главными идеями, главным делом Рериха. Он и члены его семьи в каждом письме напоминают о единении, дружелюбии, указывают на «эпидемию разъединения и раздоров», потрясающую весь мир, призывают к единению народа через культуру.

В 1937 году в Риге был торжественно открыт музей с отделом, посвященным искусству Реприхов (55 работ), а также прибалтийского и русского искусства, вышел каталог картин с предисловием Рудзитиса, потом было выпущено 35 открыток и множество репродукций, которые могли приобрести посетители музея.

— Однако работать отцу было трудно,— продолжает рассказывать Гунта Рихардовна.— Мешали белоэмигранты, которых здесь было много, правительство буржуазной Латвии тоже относилось весьма настороженно к отцу. О нем писали так: «Политически неблагонадежен; настроен пробольшевистски, ориентируется на Советский Союз».

Интерес к «Новой Стране» — так Перих называл в своих письмах в Латвию Советский Союз, — был велик. Старались его понять, ловили каждое слово «оттуда». Член правления общества Екатерина Драудзинь принадлежала к социал-демократической рабочей партии и была участницей революции 1905 года; членом Компартии Латвии с 30-х годов был Иван Блюменталь, также состоявший в правлении общества.

В конце 30-х годов, когда в Риге был основан отдел ВОКСа, поддерживать связь с Советским Союзом стало легче. Товарищи из ВОКСа и Советского представительства бывали в музее Рериха, на лекциях и вечерах, посвященных русскому искусству. Летом 1939 года состоялась выставка советской детской книги и рисунка. В том же году на выставку латышской книги в Москве были посланы и книги, изданные рижским Обществом музея Рериха.

изданные рижским Обществом музея Рериха. В эти же годы отец с друзьями «замахнулся» на периодическое издание «Мысль», од-

Г. Р. Рудзите в кабинете отца

Фото Д. Дайм

Рукопись пьесы Н. К. Рериха «Милосердие» из архива Г. Р. Рудзите.

Публикуется впервые.

Изображение 12 из коллекции Музея
Союза художников СССР

Балконное изображение с изображением профилей
Коноров и Гагарин на первом этаже и золотых
подиумов над окнами второго этажа. В центре изображения
видно здание Академии наук СССР. Красные кирпичи, белые
и зеленые. Стены здания покрыты позолотой. Трибуны.
Все изображение покрыто золотом. Все изображение
не золото, но приближается к золоту золотоискателям
изображение. Коноров и Гагарин за окном - золотоискатели
Всего изображение золотоискатели. Но золотоискатели изображают
изображение, когда изображение в ракенке (Золотоискатели)
изображение золотоискатели

Землиных: (уподобяясь земле) ... и они обладают геоморфизмом, они обладают геоморфизмом. Всего этого нет. Он не обладает геоморфизмом. Он не обладает геоморфизмом. Он не обладает геоморфизмом. Все геоморфы обладают геоморфизмом. Их не земли, но земли обладают геоморфизмом. Они обладают геоморфизмом. Их не земли, но земли обладают геоморфизмом. Их не земли, но земли обладают геоморфизмом. Их не земли, но земли обладают геоморфизмом.

3 Стат: Он симпатичен, я могу писать...
2 Стат: Они боялись ее интеллигентности? Иудиша или Юноши?
Приятны настырь народа. Идея передает то, что вспомнил
я прошлый раз. Читавшие о ней упоминают
3 Стат: Она является прекрасной. Всегда есть. Наси-
льство. Если бы ты видел ее глаза! Они...
4 Стат: Они прибыли сюда из Канады. Задача миссионеров
все убедить ее. Поступок абдукции со стороны ее матери.
Но она убежала, потому что хотела.

5 лив: Они болоким да коги разните видови. Они разделят се според
членове на кръвта. Они се различават по видове. Много от
кариотипа им. Възможни са и бактерии. **6 лив:** Подобно на ~~предишните~~ ^{предишните} ~~последни~~ ^{последни} видове са този вид
бактерии. Приспособените са за всички видове животни и растения.
Кто то пак иначе не е живо. И какъв видът, какък
видът живее.

7 item: Кто не все понимает. Он проясняет значение слов и выражений, которые ему неизвестны. Он изучает новые слова и выражения, которые ему известны, но которые он не знает в полной мере.

Смарыца. Они упакованы воне деревенские или все
могут. Поборье. Смарыцами не испортишь, не достанет.

Стахова. Менінің әзделімдегі таң үшіншіліктерінде
білсек солмабы Әнне аудітариесін шешімдердең
пословицесі на миселеғемдең көзінде? Нарнаның көзі, үшіншілік
жекеңдең біржасын үшіндең көзінде? Біл жоғары!
Черкасов (переконанындың көзінде) Дегендең үшіншілік
көзіндегіңдең көзіндең көзінде! Біл солжасын
ке жасаң. Нарнаның көзіндең көзіндең көзіндең көзіндең
көзіндең көзіндең көзіндең көзіндең көзіндең көзіндең

ПО ИОРДАНИИ

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Давно это было — больше полувека тому назад. Тогда мы, босоногие мальчишки, под шум теплого летнего дождя пели песенку: «Дождик, дождик, перестань, я поеду в Иорданью бого молиться, Христу поклониться». Конечно, религиозный аспект этой оставленной в наследство от дореволюционных времен песенки никого не волновал, просто другую про дождь мы не знали. Но она была веселой, или так нам тогда казалось.

Но вот спустя много времени я приехал в эту самую «Иорданью», вернее, в Иорданию — страну древнюю, овеянную библейскими легендами, и вместе с тем молодую, так как в качестве независимого государства появилась она лишь после второй мировой войны.

Амман — столица, центр страны, ее сердце, ее мозг. Мы проезжали по улицам с двух-трехэтажными опрятными домиками, построенными из белого камня, с двориками, засаженными яркими цветами и зелеными деревьями. Над нами ярко-голубое небо без единой тучки, воздух чистый, ароматный, как будто настоящий на сосновых иголках. Да так оно, пожалуй, и есть — длиннохвояная средиземноморская сосна растет по склонам тех семи холмов, на которых раскинулся город, продуваемый ветрами во всех направлениях.

Взираемся на плоскую вершину горы, откуда открывается красочная панорама столицы. У Аммана величественное прошлое. Особенно большую роль он играл в период римского владычества. Он входил когда-то в так называемый «декаполис» — систему десяти городов на Ближнем Востоке, опиравшуюсь на которую римляне осуществляли свою власть в этом обширном районе. Тогда он назывался Филадельфией. С этой крутой горы хорошо видно внизу просторное полуокружие амфитеатра с ареной, построенной римлянами, и колоннаду, оставшуюся от тех далеких времен. Каменное сооружение до сих пор служит людям. Отреставрированное, но оставшееся таким, каким было прежде, оно часто используется для различных концертов, митингов и других общественных мероприятий. По склону противолежащего холма карабкается вверх сам город, видны золотой шпиль большой мечети, зеленые пятна деревьев, жилые постройки.

Здесь, где мы находимся, остались развалины древней крепости и греческого храма, посвященного Гераклесу, около которого вихрастые ребята гоняют сейчас коканый мяч. Туристы непрерывно щелкают фотоаппаратами. В музее, куда мы зашли потом, можно познакомиться с экспонатами, оставшимися от греков, римлян, византийцев и других завоевателей. На одном из стендов — медные свинки с библейскими текстами на древнееврейском языке, обнаруженные неграмотным пастухом в пещере. Около двух тысяч лет пролежали они в глиняных кувшинах, скрытые от глаз людских и неизвестно кем захороненные.

Амман много раз переживал периоды взлета и упадка. Во время четырехвекового турецкого господства Иордания стала задворками Оттоманской империи, и Амман практически обезд愠ел. Лишь в прошлом веке началось его возрождение, когда здесь, как мне говорили, осела часть ушедших с Кавказа адыгейцев, сражавшихся вместе с Шамилем против Российской империи и которых в Иордании и других странах Ближнего Востока называют черкесами.

В отличие от районов, застроенных современными зданиями, часть Аммана, начинающаяся в низине поблизости от римского театра, зовется старым городом. Она изрезана кривыми улочками, в которых подчас не могут разъехаться две машины и где постоянно людской водоворот. Здесь глинобитные дома,

давно не видавшие свежей краски, шум, звон, крики торговцев. Здесь остатки той восточной экзотики, которая привлекает заморских туристов со всего света. В Аммане есть современные хорошие магазины. Но тут бизнес процветает прямо на улице.

Со старинной деревянной камерой на трех ноге работает уличный фотограф. Хоть вы и не всегда узнаете себя на снимке, который он вам вручит, зато это будет сделано быстро и дешево. А за углом пристроился молодой курчавый парнишка. Он предлагает квартирные часы различных марок и расценок, и тоже недорого. Но, конечно, гарантии не дает.

Но интереснее всего побродить там, где находятся лавки древностей и вообще всякой всячины, — задними улочками, отходящими от главной магистрали. И чего здесь только нет — старинные подносы, наборные узелки для кофейни, трости и старинные щиты. Говорят, что если хорошо порыться, то и лампу Аладина можно отыскать среди этой груды старой бронзы.

Поездка на Мертвое море — это то, без чего нельзя обойтись, если знакомишься со страной. Кто не слышал об этом уникальном водоеме на нашей планете, расположенном почти на 400 метров ниже уровня моря и где соленость воды почти в десять раз выше, чем в океане? В нем невозможно утонуть, и в нем нет ничего живого. Перед поездкой договариваемся о беседе в правительственный корпорации по развитию Иорданской долины. Доктор Бени Хани, занимающийся вопросами развития уже не один год, подробно рассказал о том, что уже сделано для освоения этих самых плодородных земель страны и о перспективах будущего. Он принял меня в кабинете, заваленном схемами, проектами, картами.

— Ну, начнем с того, что наша корпорация отвечает за развитие долины на участке от Иордании до границы с Сирией, включая бассейн реки Ярмук. Конечно, говоря об Иорданской долине, мы имеем в виду ее восточную часть. Вы, конечно, знаете, что западный берег находится под незаконной израильской оккупацией. Вообще-то наша, так сказать, юрисдикция в этом отношении распространяется и дальше к югу, вплоть до залива Акабы. Но это — дело не близкого будущего.

Главная цель сейчас максимально использовать водные ресурсы для развития ирrigации в этом районе и частично для водоснабжения населения. У нас постоянная нехватка воды для сельского хозяйства. Если бы ее было достаточно, мы смогли бы снимать урожай в долине Иордана три раза в год. Сейчас в результате выполнения нашей программы 90 тысяч человек живут на этих землях, а по ее завершении число это достигнет 150 тысяч. А главное — мы сможем получать значительно больше продовольствия, фруктов, овощей...

От Аммана до Мертвого моря не так далеко — до северных его берегов не больше 35—40 километров. Но мы едем дальней дорогой с тем, чтобы заехать в лагерь палестинских беженцев в долине Бекаа (есть такая и в Иордании). Лагерь виден с дороги издалека — серое скопление хижин на плоской равнине. Шофер Абдулла, с которым мы объясняемся при помощи его небогатого запаса английских слов и изобретательных манипуляций руками и пальцами, говорит, что здесь сейчас проживает около 7 тысяч человек. Раньше было значительно больше. Многие перебрались в другие, более благоустроенные места.

Въезжаем в поселок. Тесно одна к другой лепятся каменные лачуги. Узенькие, пыльные переулочки с бьющими в нос запахами. Зелени никакой, но пыль всюду, даже на лицах ребятишек, гоняющихся друг за другом на площади, где сосредоточены лавочки, тор-

гающие грошовой снедью, тряпьем и другими подобными товарами. Женщины с усталыми лицами, бородатые медлительные мужчины провожают наш кабриолет безразличными взглядами. Выходим из машины, чтобы с кем-нибудь поговорить. Но ребятня к нам не торопится. Несмотря на бедность, никто не протягивает руку. Вообще нигде в Иордании я не видел, чтобы кто-нибудь просил бакшиш, как это бывало во многих других странах Азии. Лишь когда я достаю фотокамеру и пытаюсь сделать несколько снимков, перед объективом вырастает мгновенно толпа смеющихся прохожих, которые почему-то всегда любят сниматься, хоть фотографий никогда не получают.

Контакт быстро устанавливается. Курчавый, пропыленный до рыжины Махмуд берет на себя роль старшего и затыкает рот вся кому, кто пытается произнести хоть слово. По виду ему лет 12—13. Он здесь и родился, в этом лагере. Родители его бежали с того берега больше 15 лет назад, в 1967 году, когда Израиль захватил земли палестинцев. До того, как они были согнаны со своей земли, его родители жили хорошо. И он, наверное, жил бы лучше, чем сейчас. Но у него отняли родину, дом, средства к существованию. Когда заходит речь об Израиле, его глазенки темнеют и челюсти сжимаются. Он обводит рукой всех мальчишек, бьет себя в грудь и, показывая на запад, имитирует стрельбу из пулемета. В общем, он намерен вернуться на землю своих предков.

Сколько их таких, лишенных родины и детства! Одна Иордания дала прибежище 700 тысячам палестинцев. А всего четыре миллиона беженцев разбросаны по чужим землям, хотя у них есть все права, определенные в решениях ООН, на существование собственного Палестинского государства. Но с этими правами не считаются ни израильские правители, ни их благодетели в Вашингтоне.

В Иордании к палестинцам относятся благожелательно. И в этом лагере все дети, как и везде в стране, учатся. Несмотря на бедность, они сыты. Иорданское правительство оказывает — вместе с международными организациями — палестинцам существенную материальную помощь. Палестинцы работают на самых различных должностях и участках.

Мы прощаемся с палестинцами и продолжаем наш путь. Снова машина лезет в гору по извилистой дороге, и спустя несколько километров перед нами открывается величественная панорама долины реки Иордан. Самой реки не видно: она вьется там, в синей дымке, за зелеными полосками полей, перед цепью невысоких гор. Отсюда же видно сплетение дорог с раскинувшимися по сторонам живописными поселками, блестящие на солнце теплицы виноградников, покрытые синтетической пленкой. Ближе — зеленые сосны и туи. И этот напоенный ароматной свежестью удивительный воздух! Им хочется дышать и дышать.

Внизу, в долине, воздух намного влажнее и тяжелее. Проносятся небольшие селеньица с глинобитными домами, редкие деревья,

На рейде в заливе Акаба * Им всегда весело * Улица в Аммане * Руины крепости крестоносцев в Кераке * Даже верблюду жарко.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Палестиночка * Это осталось от древних римлян * Дорога в Петру.